

Коммунистический процессъ

(Отъ нашего софийского корреспондента.)

На скамье подсудимыхъ 52 человека. Члены центрального комитета, руководители ячеекъ, укрыватели, курьеры. Все — чиновники, состоящие на службѣ III интернационала, получавшіе жалованье по штату, составляющіе стругую дисциплинированную юрисдикцію, которая даже здесь, передъ судомъ, отчетливо видна.

Процессъ тянется долго. Медленная, кропотливая процедура выясненія индивидуальной вины каждого, очныхъ ставки, выезды суда за городъ — въ тѣ мѣста, где происходили тайны явки. Процедура почти бесполезна: рѣчь идетъ о деталяхъ.

Своего участія въ нелегальной организациіи подсудимые не скрываютъ. Процессъ тягнется вѣдо. Но вотъ — общая настороженность. Вводятъ нового свидѣтеля — Святозара Митева.

— Уйца! — кричитъ главный подсудимый, Младчес Стояновъ. И по его командѣ вся группа подсудимыхъ подымается неистового всплеска: — Уйца! Кровопѣцъ!

Митевъ — маленький, тощій человѣкъ, совсѣмъ молодой, съ странной, бросающейся въ глаза и незабываемой физиономіей. Опять невысокому выдерживаетъ атаку, а потомъ оборачивается къ подсудимымъ:

— Я васъ презираю. Среди васъ, среди вашнихъ вождей были люди, служившіе у меня, и все мнѣ сообщавшіе.

Митевъ былъ начальникомъ отдѣла государственной безопасности — руководитель политической полиціи. Недавно онъ уволенъ, но процессъ этотъ подготовленъ имъ.

Митевъ подробно описываетъ организаціи болгарской коммунистической партіи. Въ 1923 году, когда рухнула землемѣрческій режимъ и коммунистамъ пришло уходить въ полноправіе, они были массовой партіей. Въ сентябрѣ 1923 г. они бросились на захватъ власти, пытаясь устройствомъ народныхъ восстаний — и были раздавлены. Тогда рѣшено было въ корѣкѣ измѣнить тактику и организацію. Началось узаченіе идеями Троцкаго о революціонныхъ группахъ — малочисленныхъ, но связанныхъ и захватывающихъ власть благодаря своей активности.

Этотъ періодъ закончился знаменитымъ взрывомъ собора въ 1925 г. Ударъ былъ замысленъ въ полномъ соотвѣтствіи съ двумя троцкістами: прежде всего, уничтоженіе вождя противника, его мозга. Тогда за этины, въ моментъ общей растерянности, небольшая хорошо вооруженная группа выходила на улицу, захватывала телеграфы, вокзалы, министерства и страна должна преклониться передъ мгновенно совершившимъ фактомъ переворота.

На бумагѣ планъ былъ тщательнѣйшимъ образомъ разработанъ. Но войска не растерялись послѣ взрыва, министры не были убиты, а боевые группы выступили разрозненно, и были уничтожены по-одинокѣ. Несудача присказана была «отрывъ отъ массы». Въ третій разъ коммунистическая партія въ Болгаріи была восстановлена на новыхъ основахъ — сочетаніи строгой конспиративности съ широко развѣтвленной организаціей.

Лично, справедливо отмѣчаютъ, что коммунисты, сторонники и ставленники ГПУ, меньше всего имѣютъ право протестовать. Во всякомъ случаѣ Митевъ рѣшительно настаиваетъ на томъ, что имъ побои не произошли. Какъ онъ добивался признания? Моральными давлѣніемъ. Секретаря центрального комитета Стоянова онъ привѣтъ въ особый кабинетъ, где висѣли диаграммы съ точнѣйшимъ обозначеніемъ всѣхъ коммунистическихъ ячеекъ, комитетовъ, ихъ состава, пѣтельности — на основаніи подорубныхъ досокъ съ тайныхъ объединеній.

Это произвѣло такое потрясающее впечатлѣніе на Стоянова, что онъ и не пытался отрицать, и заявилъ, что когда коммунисты придутъ къ власти, они сдѣлаютъ Митева начальникомъ полиціи.

— Вѣро! — поддакиваетъ со скамьи подсудимыхъ Стояновъ.

Коммунистический терроръ продолжаетъ ся и во время суда. Вѣняется, что въ торжъ былъ комитетъ изъ пѣсѣнныхъ подсудимыхъ, передъ которыми остальные давали отчетъ въ свою поведеніе на слѣдствіи. Нѣкоторые подсудимые заявляютъ о невинности. Но большинство держится вызывающее:

— Я вѣрю своему классу, — заявляетъ одинъ.

— Не признаю буржуазного суда.

— Считаю вооруженное вѣстание единственно возможнымъ способомъ осуществления национальныхъ цѣлей.

На что они расчитываютъ? На столъ часты въ Болгаріи амністії? На смѣну режима? Или на всемогущество Москвы, которая найдетъ способы освободить ихъ изъ тюремъ, какъ освободила своихъ слугъ изъ пѣсѣнныхъ, польскихъ и венгерскихъ тюремъ?

Ю. Р.

Финское населеніе и коммунисты

Въ мѣстечкѣ Лаппо, въ Эстерботепѣ мѣстные коммунисты устроили съѣзда рабочихъ молодежи Ваасской губерніи. Довольно по много участниковъ этого съѣзда пріѣхали одѣтыми въ «руссскую форму», красные рубахи русскаго образа и софийскія когарды; наѣзжали женщины бывшіе советскія сѣрыя блузы съ серпомъ и молотомъ на груди, а на головахъ красные платки. Господа эти держали себѣ весьма вызывающіе и, по прибытии, напривили со станции къ пародному дому въ сопровожденіи большой толпы мѣстныхъ жителей. На собраниіи стали пронизываться очень рѣзкіе рѣчи въ коммунистическомъ духѣ, такъ что мѣстный ленсманъ счѣтъ нужнымъ закрыть его. Узнавъ, что на сѣѣѣ должна прѣйтъ еще одна партія «красной молодежи», ленсманъ отправилъ на станцію и сталъ уговаривать вновь прибывшихъ разѣхаться по домамъ. Коммунисты, однако, не поступились и устроили шествіе по улицамъ мѣстечка съ гѣнѣемъ революціонныхъ пѣсень. Въ теченіи ночи въ разныхъ частяхъ города произошли столкновенія между коммунистами и мѣстными жителями; на многихъ красныхъ рубахи были сильно повреждены и съѣтѣнѣя значки сорваны. Красный флагъ на народномъ дѣмѣ былъ снятъ.

Послѣ этого населеніе городка устроило большое собраніе, на которомъ было выработано требованіе къ правительству о принятии рѣшительныхъ мѣръ противъ коммунистовъ. Подобныя же собранія съ резолюциями были устроены въ послѣдующіе дни во многихъ другихъ мѣстахъ Финляндіи; выбраны были представители для участія въ большомъ дѣпутаціи, которая въ прошлую субботу и прибыла въ Гельсингфорсъ, где у нихъ были переговоры съ членами правительства и съ лидерами различныхъ партій сейма. Требованія депутатовъ заключались въ томъ, чтобы членамъ коммунистической партіи было запрещено издаватъ газеты и быть выбираемыми въ сеймъ.

Ида, повидимому, навстрѣчу именно этому тенденціи, правительство уже выработало законопроектъ, предоставляемый административнымъ властямъ право временно воспрещать дѣятельность той или иной организаціи.

В. Н.

Къ столѣтію письма для слѣпыхъ

Слѣпой машинистъ диктуютъ текстъ для написанія на машинѣ, выбивающей рукопись для слѣпыхъ. Сто лѣтъ назадъ учитель Луу Брай изобрѣтъ донъинѣ приѣмлемый шрифтъ для слѣпыхъ.

РЪ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВЪ Рождественскій Номеръ РУЛЯ

выходящій

во вторникъ, 24-го сего мѣсяца
въ 2 часа днія, убѣдительно просять
сдавать по возможности не позже
понедѣльника 23-го декабря
5 часовъ днія.

КОНТОРА „РУЛЯ“

ПОДВОДНИКИ

ПОВѢСТЬ

А. НОВИКОВА - ПРИБОЯ

(9-ое продолженіе).

Нѣкоторое время мы шагаемъ молча. Кажется, что гной прилипъ къ нашему тѣлу, смрадомъ проникъ въ самую душу.

— Ну, что ты скажешь на счетъ этого гнилого человѣка? — спрашиваетъ Зобовъ.

— Противно смотрѣть.

— Да, онъ, вѣроятно, и самъ себѣ противенъ. А живетъ. Спроси у него, хочетъ ли онъ на фронть, — пожалуй, откажется. Хватается за жизнь. А про насъ пишутъ, что мы раемся въ бой, какъ львы.

Зобовъ замолчалъ, всецѣло погруженный въ свои злые думы.

Я свернулся отъ него на почту.

* * *

«Мурена» наша готова въ походъ: аккумуляторы заряжены, всѣ части механизма проверены, всѣ приборы находятся въ полной исправности. Ждемъ назначенія. Продолжаемъ жить на базѣ.

Послѣ обѣда спускается къ намъ въ жилую палубу старшій офицеръ Голубевъ. Видѣлъ у него зловѣшцій. Мастроны сразу насторожились.

— Вотъ что, боярманъ: сегодня къ двѣнадцати часамъ ночи вся команда должна быть на «Муренѣ».

— Есть, ваше благородіе!

— Покорѣ предстоитъ серьезный.

— Есть!

Голубевъ уходитъ.

Среди команды говорятъ:

— Опять начнутся мытарства.

— Да, опять...

— Куда на этотъ разъ пойдемъ?

— Разѣтъ намъ скажутъ объ этомъ?

— Эхъ, жизнь наша несурзая!

Зобовъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы бросить людямъ въ мозги мысли колючіе, какъ кусты крыжовника. Онъ какъ бы утѣшаетъ:

— Ничего, братва, не вѣшай головы! Повоюемъ! Вѣдь мы съ японцами станемъ — грудью за вѣру православную!..

Вздыбилась команда и, какъ грязь изъ-подъ копытъ, летитъ матерная брань. Вѣзърошенній, я бѣгу къ знакомому фельдшеру за спиртомъ.

* * *

Полина въ комнатѣ одна.

Ставлю на столъ выпивку, выкладываю закуски.

— Это что за торжество у тебя? — смеется Полина.

Голова моя отяжелѣла отъ горькихъ думъ и пинкетъ къ столу.

— Не торжество, а горе. Можетъ это поминки обо мнѣ.

— Какое горе? Какія поминки?

— Уходимъ въ море. На этотъ разъ намъ предстоитъ опасный походъ. Кто знаетъ? Можетъ, но увидимся до второго пришествія...

Полина въ тревогѣ.

— Нѣтъ, не говори такъ. Ты вернемся благополучно. А я буду выходить на берегъ и ждать тебя...

Ея тревога и отзывчивость вызываетъ во мнѣ еще большую грусть.

Наполняю стаканы спиртомъ, разбавленнымъ вишневымъ сиропомъ.

— Выпьемъ, дѣрогай!

— Развѣ только чуточку. Ради тебя...

Вода только обижаетъ грудь, но не заглушаетъ смертельной тоски. Хочется жаловаться на суровую долю своей.

И странно, что не только Полина, но и самъ я прислушиваюсь къ своему голосу, сдавленному и глухому.

— Да, дорогая, война! Это не имени. Тутъ угошаютъ не пирогами съ начинкой, а снарядами съ динамитомъ и всякой другой мерзости. Но еще хуже подводниками. При мнѣ погибло нѣсколько лодокъ. «Норка» прошла безъ вѣсти. Что съ ней случилось? Никто ничего не знаетъ.

«Рысь» наткнулась на непріятельскій обѣтъ, запуталась въ нихъ и взорвалась. Оней прочли лишь нѣсколько строкъ изъ непріятельскихъ сообщеній. Намного больше прочла обѣтъ «Акулы». Ее повредили миноносцы: погрузилась на дно и не могла всплыть. Нѣмцы подняли ее черезъ два дня. Остался живъ только одинъ человѣкъ, да и тотъ оказался сумасшедшими. А остальные — кто задохнулся, кто самъ покончилъ съ собою. А еще одна лодка...

Я рассказалъ о страшномъ случаѣ съ подводниками, рассказалъ искренно, такъ, какъ было въ дѣйствительности. Но въ то же время я чувствую, что я какой-то дѣйствительный, что во мнѣ сидитъ кто-то другой, который заладился определенной пѣнько.

Въ душѣ моей мракъ и отчаяніе. Отчаяніе и на лицахъ.

Въ Берлинѣ.

Коммунисты „дѣйствуют“

Въ воскресенье послѣ обѣда трое неизвѣстных напали на избирательный участок на Ростокерштрассе. Подъ угрозой револьверов они забрали всѣ избирательные листы, выстрѣлили въ воздухъ и затѣмъ бѣжали на автомобиль. Въ тотъ же день утромъ толпа изъ 60 коммунистовъ была разогнана полицией за то, что коммунисты пѣли пѣсни на улицѣ во время церковной службы. Коммунисты оказались сопротивленіемъ и полицѣиѣ пустыни въ ходъ ревизионистки. Арестовано 35 человѣкъ.

На Бранденбургштрассе коммунисты, прѣбывающіе на автомобилѣ, выбили камни изъ стекла въ избирательномъ участкѣ. На Глазовитштрассе коммунисты ворвались въ пивную, избили хозяина и разгромили мебель и посуду. Команда нападенія арестовала 10 человѣкъ.

Погибли въ ваннѣ

Весьма таинственная трагедія разыгралась въ предмѣстіи Берлина. Ваисмандорфъ въ квартирѣ юфера Вилли Диостергаута. Родители юфера напали своего сына и его новѣйшую Фриды Каша мертвыми. Молодые люди лежали совершенно обнаженными въ ваннѣ изъ которой уже вылилась вся вода. Полиція предполагаетъ, что женщины не вѣдѣли погибши во время совѣтскаго купанья по всемъ вѣроятностямъ отъ отравленія газами, выходившими изъ неплотно закрытаго крана печки.

— Съ 23 декабря вводится телефонное соображеніе между Германіей и Голландской Индіей. 3-минутный разговоръ стоитъ 185 марокъ.

Торресъ въ Берлинѣ

Извѣстный французскій адвокатъ Торресъ, выступавшій между прочимъ по дѣлу убийцы Петерии Шварцбарты, приѣзжалъ по приглашенію германо-французскаго общества въ Берлинъ, где 10 января въ 7½ час. вечера въ большомъ залѣ бывшей палаты господа на Лейпцигштрассе, слѣдя за лождѣемъ на тему: Передъ судомъ присяжныхъ.

Театръ и музыка

РУССКІЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ КОНЦЕРТЫ

Десятый вечеръ концертовъ, устраиваемыхъ Л. Л. Ландau, былъ посвященъ современникамъ — Стравинскому и Проkofьеву. «Я ничего не имѣлъ бы противъ музыки будущаго, если бы наѣсъ не заставили слушать ее въ настоящемъ». Объ этихъ шутливыхъ словахъ одного музыканта вѣроятно многие слушатели такъ называемой «современной музыки» вспоминаютъ не безъ сочувствія. И едва ли прошло два десятка лѣтъ съ того времени, какъ музыка Стравинскаго въ Проkофьевъ ощущалась тоже какъ «музыка будущаго». Но времена быстро летятъ, художественные вкусы такъ же быстро меняются, и слушая сейчасъ многое изъ того, что такъ недавно еще представлялось непримѣнимымъ, говоришь себѣ не безъ нѣкотораго удивленія,

что это не только не такъ страшно, но да и не такъ странно. Такакъ мысли приходила и при слушаніи отчего-то концерта. Эти неподдающиеся анализу гармонии, неожиданные вѣт-тональные финалы, неопределенные, противорѣбѣніе привычной симметріи, формы, больше не запахутъ слушателей и если не всегда встрѣчаются, то только потому, что просто не представляются красивыми. Тамъ же, где это красиво — чувство недовѣрія совершенно исчезаетъ.

Въ отчетномъ концерте все же не всѣ вещи охотятъ композиторовъ, хотя и составляющихъ гордость русского искусства, и давно признанныхъ на Западѣ, слушались безъ недоумѣнія. Особенно это относится къ Стравинскому, который, пожалуй, является болѣе крупной музыкальной величиной, чѣмъ Проkофьевъ. Стравинскаго принято теперь называть классикомъ. Но если одной изъ чертъ классицизма является простота и ясность, то въ исполненной союзомъ Перголезе для скрипки и фортепіано — именно этихъ чертъ пѣть. И неизвестно, заѣмъ надо необычайно ясную и прозрачную въ смыслѣ голосоведенія музыку Перголезе подвергать такой обработкѣ, что создается впечатлѣніе какой-то несторожности. Для такого эксперимента меньше всего подходитъ тревожить тѣнь Перголезе. Фортепіанская соната Стравинскаго оставляетъ слушателя совершенно холоднымъ. Интересна по ритму только ее вторая часть (adagio). «Сияющію росу» для пѣнія намъ пришлось слышать въ первый разъ и поэтому, вѣроятно, трудно было разобраться въ сложныхъ музыкальныхъ построенияхъ этой вещи.

Живѣе, проще и потому гораздо пріемлемѣе было въ этотъ вечеръ Проkофьевъ. Его вионичная баллада искриста, талантъ особенно средняго участка, (rizzato). Много интересного и красиваго въ третьей фортепіанной сонатѣ, мало — въ фортепіанной же токкатѣ. Изъ вокальныхъ вѣцѣ впечатлѣніе производитъ «сѣрглазый король» и «заклинаніе воды и огня». Слишкомъ реалистичны и потому скучноваты «Клонъны» на слова Бальмонта.

Труднѣе, но многомъ неблагодарныя вещи все же напали очень хорошихъ исполнителей. Превосходно была сыграна соната для вионичной гг. Штегмана и Демантъ; королевскими пѣніями себя зарекомендовали гг. Штаденъ и Лихтенштѣр. Въ лѣтѣ Нины Карпусъ устроилъ концертъ обѣими прекрасную культурную пѣвицу, сумѣвшую выявить все, что въ вокальной программѣ было красиваго и интересного.

За предоставленную возможность прослушать рѣдко исполняемыи вещи, притомъ въ такомъ хорошемъ исполнении, слушатели — сожалѣнію, недостаточно многочисленные — должны быть весьма признателныи устроителямъ историческихъ концертовъ.

Legato.

Е. Половицкая въ Ригѣ

Е. А. Половицкая съ большими успѣхомъ гастролируетъ въ Ригѣ въ театрѣ Немецкой Драмы. Для первого выступления артистки шла «Марія Стюартъ»; критики единодушно отмѣчиваютъ какъ необычайно сильный образъ, созданный артисткой, такъ и ея отличное лѣтнее произношеніе.

Полины. Это я отчетливо замѣчало, несмотря на полу-сумракъ гаснущаго дня, — замѣчало даже, что въ углахъ сея прекрасныхъ глазъ застрияли дѣвочки.

Полина бросается ко мнѣ на шею.

— Довольно, мили, обѣ этомъ! Не хочу больше слушать... Боже мой! Муки-то какія! Сеня, дорогой... Не унывай, не терзай себѣ. Лучше выпей... И я съ тобой выпью. Хочешь, а?

— Да, да выпьемъ, родная.

Руки ся дрожатъ и горлышко бутылки стучитъ о край стакана. Водка плацется мнѣ на колѣнѣ.

Мнѣ очень жаль Полину, но почему-то хочется, чтобы она заплакала. Для чего это мнѣ нужно? Ахъ, груда мою разрываетъ двухълапый якорь, и я говорю съ гнетущей безнадежностью:

— Полина! Я буду помнить о тебѣ тамъ, въ морѣ, на глубокомъ дѣлѣ. А если вода сразу заткнетъ мою глотку, то я мысленно, своимъ мозгомъ крикну тебѣ: прощай любимая!

Слезами окропила лицо мое, покрыла попѣльями.

— Не говори такъ! Не надо... Мнѣ страшно. Я вспоминаю о мужѣ... Какъ узнала, что онъ погибъ, я чуть не покончила съ собою... А ты вернешься. Я буду твоей... Сеня, родной! Я и теперь твоя. Слышишь, мнѣ! Твоя безъ вѣнчанія... Мужчина мой! Бѣзбалмошный и славный подвѣдникъ!..

Ласковыя слова загорѣлись яркими цветами. Мускулы опустили яаждынѣ трепетъ прильнувшей ко мнѣ женщины. Точно незримое пламя полыхнуло въ меня, обожгло все тѣло.

Въ вечернемъ небѣ загорѣлись вѣнчальные свѣчи.

Экваторъ перейденъ.

„Скала“ на Рождество

Рождественская программа «Скалы» состоитъ изъ номеровъ, уже встрѣченныхъ ранее; но повидать ихъ личнѣй разъ — на пестрыхъ подмосткахъ — всегда пріятно. Какъ изумительно красиво, напримѣръ, перебрасываетъ необычайнаго вѣса горы альпъ Ахиль и подчеркиваетъ всю опасность этой работы своимъ комическими выходками его партнера клуау Неймаль. Замѣчательенъ жонглеръ Переходъ, арфистъ испанецъ, а по фамиліи русскій... Смѣшина пародія на американское варьетѣ, какъ всегда, очень эффектна; обставлена выступлѣніемъ балета Матра; нарядъ съ истинами Ката Штерна и Сольвѣтъ, въ его составѣ работаетъ теперь много русскихъ: Тамара Рауэръ, Нина Калининъ и др., — талантливѣя пітомицы Ек. Девильберъ. Конечно, это много споспѣшуетъ художественному уровню популярнаго балета.

Изъ номеровъ, выступающихъ въ Германии впервые — трои поразительныхъ летуновъ Кафа, Стенли и Май; духъ захватываетъ отъ этихъ летуновъ, точность ихъ исключительна. Впрочемъ, техникой исполнения блещетъ почти вся эта рождественская программа, составленная въ разномъ и интересно.

Интересна декабрьская программа въ філіалѣ «Скалы» на Востокѣ — въ Германию впервые — три поразительныхъ летуновъ Кафа, Стенли и Май; духъ захватываетъ отъ этихъ летуновъ, точность ихъ исключительна. Впрочемъ, техникой исполнения блещетъ почти вся эта рождественская программа, составленная въ разномъ и интересно.

Письмо въ редакцію

Позвольте мнѣ чрезъ посредство Вашей уважаемой газеты передать всѣмъ посвѣтившимъ мой юбилей и сугубъ всѣмъ, принимающимъ въ немъ участіе, мою сердечную благодарность. М. Попелло-Давыдовъ.

Радіо-программа «Руля».

На понедѣльникъ, 23 декабря.

7 ч. Гимнастика. 12.30 ч. Предсказ. погоды. 2-2.55 ч. Граммофонъ. 3.20 ч. Спортъ. 3.45 ч. Четвертъ миллиарда рождественскихъ свѣтъ. 4.05 ч. Путі духовнаго творчества (д-ръ Эверлингъ). 4.30 ч. Концертъ капеллы Яро Михалекъ. 6 ч. Зимній спортъ (д-ръ Пуна). 6.20 ч. Новая книга. 6.30 ч. Церковная проблема: современности (проф. Дѣмісанда). 7 ч. Пѣсни въ исп. дѣтей рабочихъ, уч. Т. Лоось (деклам.). 8 ч. «Рождество» оп. въ 1 актѣ, муз. А. Гентилі. «Святая ночь» Сельмы Лагерлѣфъ, прочт. Э. Рютль. Пѣснѣ: К. Брошнѣстъ (баритонъ), у роли Б. Зейдерль-Винклеръ, кантилены для хора, оркестра и органа. Точнѣе, предсказ. погоды, новости дnia.

На вторникъ, 24 декабря.

7 ч. Гимнастика. 12.30 ч. Бѣсѣда по сельскому хозяйству. 2-2.55 ч. Граммофонъ. 3.20 ч. Рождественский концертъ для юношества. 4 ч. Міръ животныхъ зимы. 4.20 ч. Концертъ для дѣтей. 5 ч. Концертъ Террапоркѣстъ. 5.45 ч. «Святая ночь» Л. Тома, прочт. Ф. Бонъ. 6.30 ч. Колокольный звонъ на Рейтѣ (передача изъ Кельна). 6.45 ч. Граммофонъ. 7 ч. Соцѣльница. 8.15 ч. Концертъ М. Роль (сопр.), Г. Шей (баритонъ) берл. квартетъ, въ прогр.: Гайднъ, рождество. Пѣснѣ, старин. пѣсни и др. 10 ч. Концертъ духового оркестра. 11.30 ч. Концертъ берлин. радио-хора.

Извѣстная фирма Смирновъ и Ко, Барбадосштрассе 16, тел. Корнель 2637, предлагаетъ къ празднику большой выборъ водокъ и ликеровъ, имѣющихся во всѣхъ лучшихъ магазинахъ и ресторанахъ.

— Ты что стоишь здѣсь зря?

— Любуюсь, ваше высокоблагородіе, смутой въ природѣ.

Командиръ махнулъ рукой, усмѣхнулся.

Накатывается большая зеленоглазая волна и рычитъ: «Что сказать твой Полинъ?» И мчаться за корумъ. А вѣтеръ вадуришъ не въ мѣру: распираетъ мнѣ ноздри, выворачиваетъ глаза, соленые подглазуки мочалъ губы. Пѣнится вся ширь морская, и въ моей головѣ пѣнятся мысли, пынья безъ вина.

Я въ центрѣ безумной оргіи. Это спрѣвляется моя свадьба. Въ нее принимаютъ участіе чистые нечистые духи, демоны и ангелы. Вокругъ меня — все въ движеньи. Воды разрастаются, смыкаются, гимнастичатъ, показываютъ небу пѣнныя языки. Надѣ головою, въ недоступныхъ высотахъ, развозились пьяные оравы: рвутъ желѣзо, обрасываютъ въ бушующій воздухъ. Еще моментъ — зарывается уже въ массу клокочущихъ пѣнъ. А бездомный бродяга-ѣвѣръ, вѣчный другъ мнѣ, свистѣтъ въ уши: «поздравляю со бракомъ! Обдастъ волна и смѣтъ: «искупайся! ха-ха-!» Я мокрый до постѣнной нитки, но уходить внизъ не хочется. Грудь въ отчѣ горитъ. Смотри, какъ слояются разбухшіе тучи. Въ нихъ вспыхиваютъ золотыя трещинки. Перекаты громами хохочетъ въ вѣтру.

На рубѣжѣ стоять самъ командиръ съ биноклемъ въ рукахъ. Губы у него плотно скожены. Острѣе бородки затуплены. Сѣрѣе глаза винятъ въ море. Онъ вспоминаетъ «Мурену», глядитъ на клярнетъ, ревъ водосточныхъ трубъ, рыканье лѣвицаго стада. Волны потрясаютъ пятнадцатью силъ. Я мысленно выpusкаю это стадо коней на поверхность моря. Они бѣшено мчаться въ туманную даль. «Мурена», уносится за ними, танцуетъ, прыгаетъ, скачетъ, размахивается на ухабахъ, какъ салы по сургучной дорогѣ. Эхъ, держись крѣпѣ! Только алмазная пыль крутится въ вѣтру. Нѣтъ, такой разгульной свадьбы не было еще ни у одного короля.

Я спустился внизъ къ дробному стуку дизелей, къ чадному запаху перегорѣлого солара.

(Продолженіе слѣдуетъ).